

М Е М У А Р Ы

1942

З А Л И Н И Е Й
Ф Р О Н Т А

ДНЕВНИК
РЯДОВОГО
ВЕРМАХТА

1945

Ги Сайер

ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

За линией фронта. Мемуары

Ги Сайер

**Последний солдат Третьего
рейха. Дневник рядового
вермахта. 1942-1945**

«Центрполиграф»

1942–1945

УДК 94(430).086
ББК 63.3(0)62

Сайер Г.

Последний солдат Третьего рейха. Дневник рядового вермахта.
1942-1945 / Г. Сайер — «Центрполиграф», 1942–1945 — (За
линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5373-9

Немецкий солдат (француз по отцу) Ги Сайер рассказывает в этой книге о сражениях Второй мировой войны на советско-германском фронте в России в 1943–1945 гг. Перед читателем предстает картина страшных испытаний солдата, который все время находился на волосок от смерти. Пожалуй, впервые события Великой Отечественной войны даются глазами немецкого солдата. Ему пришлось пережить многое: позорное отступление, непрерывные бомбежки, гибель товарищей, разрушение городов Германии. Сайер не понимает только одного: ни его, ни его друзей никто в Россию не звал, и все они получили по заслугам.

УДК 94(430).086

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9524-5373-9

© Сайер Г., 1942–1945

© Центрполиграф, 1942–1945

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Часть первая	16
Глава 1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ги Сайер

Последний солдат Третьего рейха

От автора

Ги Сайер... Кто же вы на самом деле?

Сразу оговорюсь, иногда я называю себя по имени, как будто со мною разговаривает кто-то другой, чьи слова имеют надо мной больше власти.

Кто я такой? Вопрос вроде бы несложный, хотя как сказать...

В общем, родители у меня люди простые, обыкновенные труженики, наделенные от природы тактом и умом. Провинциальное городишко Висамбур, где у нас скромный домик с небольшой усадьбой, находится на северо-востоке Франции, буквально в двух шагах от границы с Германией.

Когда мать с отцом познакомились, никому из них и в голову не могло прийти, что им, юным и влюбленным друг в друга, отчий край¹ сулит весьма тернистый жизненный путь.

Да и не только им, но и мне – их первенцу – тоже!

В самом деле, если у вас не одно, а два отечества, то и проблем, разумеется, вдвое больше, при том что жизнь всего одна. Когда задумываешься о будущем – что предпринять? как поступить? – очень хочется, чтобы сбылось все, о чем мечтается. Не правда ли?

С возрастом, конечно, приходит понимание, что прожитые годы, по сути, сплошной разлад мечты с действительностью. Но это я так, к слову...

Детство у меня было замечательное, а вот юность не заладилась. В лучшую пору жизни, когда все так значительно и важно, когда живешь ожиданием первой любви, подоспела война, и я в свои неполные семнадцать вынужден был обручиться с нею. Разумеется, не по любви и, конечно, не по расчету! Какой уж тут расчет, если, уходя в армию, собирался служить под одним флагом, а довелось под другим, если пришлось, условно говоря, защищать «линию Зигфрида»², но не «линию Мажино»³.

И все же, когда меня призвали в армию, я испытывал ни с чем не сравнимую гордость защитника отечества. Отец не раз говорил мне, что защита от недругов домашнего очага, в котором огонь испокон веку поддерживает женщина, святая обязанность настоящего мужчины.

Все правильно! Вот только война меня погубила, хотя я и спасся от снарядов.

Я не такой, как те, кто не воевал. Я – солдат, и, стало быть, другой, потому что побывал в крошечном аду и теперь знаю страшную правду фронтовых будней.

Я стал черствым, безжалостным, грубым и мстительным. Возможно, это хорошо, потому что именно этих качеств мне не хватало. Если бы у меня не было этой закалки, я на войне, скорее всего, сошел бы с ума.

¹ Имеется в виду историческая провинция Франции Эльзас – Лотарингия, которая была отторгнута Германией в 1871 г. в результате Франко-прусской войны; возвращена в 1919 г. по Версальскому мирному договору; аннексирована в 1940 г. и освобождена в 1944 г. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² «Линия Зигфрида» – система долговременных германских укреплений глубиной 35–100 км, протяженностью около 500 км вдоль западных границ от Нидерландов до Швейцарии.

³ «Линия Мажино» – система долговременных французских укреплений глубиной 6–8 км, протяженностью около 400 км вдоль границы с Германией, Люксембургом и частично с Бельгией.

Пролог

18 июля 1942 года

Прибыл в Хемниц. Городские казармы привели меня в восторг. Когда смотришь на овальной формы огромное здание белого цвета, просто оторопь берет. Я попросил зачислить меня в 26-й отряд летной эскадрильи под командованием Руделя. К моему великому огорчению, опытные полеты на пикирующем бомбардировщике «Юнкерс-87» продемонстрировали мою полную непригодность для службы в воздушном флоте. Жаль, конечно! Мой отец считает, что, хотя выучка и боевое воспитание на высоком уровне во всех родах войск вермахта, все же в танковых войсках и авиации – в особенности.

Хемниц уютный город. Его красные островерхие крыши утопают в зелени. Стоит прекрасная погода, мягкая и нежаркая. В парке, который рядом с казармами, столетние липы и дубы разрослись широко и буйно, а буки, напротив, растут вверх и, несмотря на свою старость, остаются прямыми и стройными.

Время летит с бешеной скоростью. Прежде такого ритма жизни никогда не было. Каждый день что-то новое. У меня новехонькая, с иголочки, форма. Сидит на мне как влитая. Я – настоящий солдат. Меня так и распирает от гордости. Сапоги, правда, ношенные, но в приличном состоянии. Интересно, кто в них топал до меня?

На предпоследних тактических занятиях отрабатывали «наступление стрелкового взвода на долговременную огневую точку противника». Наша пехотная подготовка пока что напоминает спорт. Возле парка, на лужайке, ложимся в цепь, перебежки, атаки. В ложине у леса залегаем в высокую траву, валяемся, хохочем...

Недавно целый день шел дождь, а нас гоняли с полной выкладкой и с винтовкой в руке по мокрому пустырю. Команды «Ложись!», «Бегом марш!», пока мы не стали похожи на огоржденные пугала и не валились с ног от изнеможения.

Но чаще всего, разбившись по отделениям, под руководством унтер-офицеров мы маршируем на лужайке. Шагаем, останавливаемся по команде, с шага переходим на бег, с бега – на шаг, подходим с вымышленным докладом к фельдфебелю, отходим от него по всем правилам военной науки. Слова команд слышатся то там, то здесь, одновременный топот ног сотрясает долину.

Козырять, стоять навтыжку, брать на караул, поворачиваться «направо» и «налево», щелкать каблуками, терпеть тысячи придинок – разве это подготовка к подвигам?

Оказывается, строевая подготовка теперь приобретает особое значение, потому что, как сказал наш фельдфебель, внешний вид армии в военное время играет особую роль. Он вообще прочел нам целую лекцию о том, что в нынешние времена храбрость – дело неплохое, но второстепенное. Главное сейчас – умение научиться всему тому, что солдат должен знать.

Мы уже знаем наизусть все существующее пехотное оружие противника, потому что недооценка врага, как заявил наш фельдфебель, большая глупость.

Я нахожусь в состоянии, которое можно определить словами: «Сдержанно счастлив». Чувствую себя прекрасно. Правда, тактические занятия и строевая подготовка выматывают до предела. За ужином буквально клую носом. Кстати, кормят сносно, но я время от времени вспоминаю наши семейные трапезы дома. Скатерть в красную и белую клеточку... На завтрак кофе, мед, круассаны и горячее молоко.

Я выучил пару строевых песен и теперь горланю их вместе со всеми, но только с чудовищным французским акцентом. Все, конечно, смеются. Ну и пусть! Мы теперь одна семья.

Мы теперь друзья. Воинское товарищество, где все за одного и один за всех. Это пришлось мне по душе. Тяготы казарменной муштры я сношу легко и даже с охотой.

15 сентября 1942 года

Отправляемся в Дрезден.

В течение девяти недель мы проходили военное обучение, и за это время меня успели перевоспитать более основательно, чем за все школьные годы. Я уже усвоил, что начищенная пуговица важнее многих школьных премудростей, а без сапожной щетки вообще не обойтись.

То, что строевая подготовка – полезная вещь, я понял сразу и пришел к выводу, что, в конце концов, главное – быть добросовестным. Как это в общем-то просто и как нелегко в условиях, когда приказ – почти закон.

«Выполнить приказ» – как привычно стало это словосочетание, как убедителен его смысл, избавляющий от необходимости строить собственные планы.

Что ж, прощай, Хемниц! Мы вышли рано утром ускоренным маршем. Легкий сероватый туман с каждой минутой таял, и вскоре небо очистилось и заголубело. На обочинах дороги, по которой мы шагали, среди кустов боярышника и бузины проглядывали темно-зеленые елки. Было тихо. За спиной вставало огромное солнце. Впереди каждого солдата двигалась его длинная тень.

Мы шли тремя квадратами, повзводно – по всем правилам устава. Пройдя километров пятьдесят, погрузились в Дрездене в воинский эшелон и покатили на восток.

Несколько часов мы стояли в Варшаве. Многие изъявили желание ознакомиться с достопримечательностями польской столицы. Осмотрели гетто, вернее, то, что от него осталось. А когда пришло время возвращаться, разбились по трое-четверо. Поляки улыбались нам. В особенности девушки. Солдаты постарше и посмелее меня уже завели себе подружек и общались в милой компании.

Наконец, наш эшелон отправляется, и через какое-то время мы прибываем в Белосток. Спустя пару часов, чеканя шаг, уже шагаем по шоссе. Предстоит пройти километров двадцать до казарм для формирования перед отправкой на фронт.

Сквозь листву деревьев, возвышающихся по сторонам шоссе, прорываются солнечные лучи и падают густой сеткой на белесое покрытие дороги и зеленые каски солдат.

Осень уже вовсю хозяйничает в этом краю. Красиво и повсюду тихо! Широкая всхолмленная равнина греется в лучах теплого осеннего солнца.

Фельдфебель Лаус отдает команду перейти на ускоренный марш, и буквально минут через десять высоко на холме возникают приземистые башни средневекового рыцарского замка, одного из тех, что некогда охраняли княжества, а возможно, и герцогства от разбойничьих набегов и крестьянских восстаний. Серый и сумрачный при любой погоде, он и теперь – в солнечный день – имеет грозный вид, напоминая декорацию, на фоне которой обычно разыгрываются действия какой-либо оперы Рихарда Вагнера.

Замок, издали казавшийся пустующим и необитаемым, оказался нашей казармой. В комнатах со стенами необычайной толщины, расположенных в крепостной стене, квартировали солдаты.

– Запевай! – рывкает фельдфебель, когда мы подходим к мосту, перекинутому через крепостной ров.

Запевала из второго взвода, на вид совсем замухрышка, худой и малорослый солдат, неожиданно высоким и сильным голосом выводит первую строфу: «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес...»⁴

⁴ «Германия, Германия превыше всего...» Эту «Песню немцев» написал Генрих Гоффман фон Фаллерслебен в 1841 г.

Потом все мы вступаем в два голоса, и это двухголосие неожиданно-негаданно придает песне торжественное звучание.

У крепостных ворот стоит рослый часовой, держа у ноги самозарядную винтовку с прижатым штыком. Он делает нам на караул.

Мы входим во двор замка, чеканя шаг по неровным выщербленным плитам и застываем по команде «Смирно!». С речью обращается старший офицер в звании майора:

– Солдаты, перед нами поставлена цель ликвидировать советских комиссаров, наделенных неограниченной властью над жизнью и смертью людей. Уничтожить их значит сберечь германскую кровь на поле брани и в тылу. Вопросы есть?

– Как думаете, господин майор, а у нас все получится? – отважился кто-то задать вопрос.

– Я не думаю и вам не советую. Приказ есть? Есть. А думать будем, когда его выполним. Зиг хайль!⁵

– Хайль Гитлер! – рявкнули мы во все горло.

Раздалась команда «Вольно!» – и началась перекличка.

Тем, чье имя и фамилию назвали, велют строиться в две шеренги. Я поглядываю по сторонам. Во дворе полно военных машин, возле которых переминаются с ноги на ногу сотни четыре солдат с полной боевой выкладкой.

Наша проверка, проходящая четко и сноровисто, заканчивается. Звучит команда разбиться на группы по тридцать человек для размещения в казармах.

Пожилый солдат лет пятидесяти, сопровождающий нас, кивает в сторону крытых грузовиков и вполголоса произносит:

– Деблокирующие войска... Вот такие дела!

Так вот в чем дело... Недаром у солдат такие хмурые лица!

Вечером я узнаю, что все они отбыли куда-то в Россию, а Россия – это война, о которой мне пока не так-то много известно. Припомнилась глава из школьной хрестоматии, которая называется «Русский». В ней сказано: «Русский белокур, ленив, хитер, любит пить и петь». Вот и все!

Не успел я положить свой ранец на приглянувшиеся мне деревянные нары, как раздалась команда на построение. Обедать, что ли? Давно пора... Последний раз нас кормили в Белостоке. Ржаной хлеб и творог с вареньем с удовольствием лопали все. Интересно, чем здесь собираются потчевать?

Оказывается, я чересчур большой оптимист.

Фельдфебель Лаус, успевший натянуть теплый свитер, улыбаясь предлагает нам пойти искупаться. Ничего себе! Сентябрь на дворе, как-никак!

– Холодно, по-моему, – бросает сквозь зубы гигант эльзасец. Неробкого десятка солдат, осмелился возразить майору. – У любого здравомыслящего человека, на мой взгляд, есть право отказаться от принятия этой водной процедуры.

Фельдфебель Лаус, продолжая улыбаться, произносит с расстановкой:

– У любого человека есть лишь обязанности, а права только у Бога. Это раз. Если солдат сам не любит себя, он доставляет другим лишние заботы, а на войне не должно быть ничего лишнего. Это два. Русская зима нешуточное дело, поэтому будем закаляться. Это три. Не воевавши в госпиталь угодить – вроде дезертирства. Ясно?

Положенная на музыку Франца Иозефа Гайдна (1797 г.), она стала в 1922 г., по указу рейхспрезидента Фридриха Эберта, государственным гимном; в 1918 г. была запрещена странами-победительницами; после разгрома фашизма вновь была запрещена, но с 1952 г. текст песни восстановлен в своих правах. С августа 1991 г. официальным гимном Германии считается ее третья строфа.

⁵ Да пребудет с нами святая победа!

Пришлось нам сделать над собой усилие. Пружинистым шагом, как заправские спортсмены, преодолеваем километр или полтора и оказываемся на песчаном берегу озера, куда несет свои воды говорливый ледяной ручей.

Фельдфебель Лаус перестает улыбаться, приказывает раздеться догола и обводит нас взглядом с хитроватым прищуром.

Догола так догола! Мы уже научились преодолевать не только стыдливость, но и многое другое. Я помню, как стеснялись мы на первых порах, когда новобранцами жили в казармах. Со временем привыкли еще и не к такому.

Первым в воду, обдав нас брызгами, прыгает сам фельдфебель. Все смеются, но мне не смешно. Погода, конечно, замечательная... для прогулки, но не для купания. Я пробую ногой воду. Брр! И тут же получаю тычок в спину. Сопровождаемый взрывом хохота, лечу в воду. Когда выбираюсь на берег, меня бьет колотун. Воспаление легких, вне всякого сомнения, к вечеру обеспечено! Так, а где полотенце? Полотенца нет ни у кого! Зато у меня есть пуловер. Его я и натягиваю на мокрое тело.

Мы едва поспеваем за нашим фельдфебелем. Он несется во весь опор и проделал уже половину пути до нашего замка. Мы страшно проголодались и, влетев во двор, ищем взглядом вход в столовую. Но не тут-то было! Никакого намека на то, что нас собираются кормить.

– Дадут нам пожрать или нет? – спрашивает гигант эльзасец у стоящего поодаль унтер-офицера.

– Смирно! – рявкает фельдфебель.

Мы застываем. Даже наш храбрый эльзасец.

– Обед здесь в одиннадцать, – гаркает Лаус. – А мы прибыли с опозданием на три часа. Тройками, справа от меня, становись! Сейчас у нас стрельбы.

Сжав зубы, мы отправляемся за нашим мучителем.

Узкая тропинка бежит через лес. Тихо. Припекает солнце. Пахнет хвоей и смолой. Неподалеку стучит дятел.

Наши ряды расстроились, и мы плетемся гуськом. Фельдфебель Лаус умчался. Вероятней всего, чтобы выяснить, все ли готово к стрельбам, которые для офицеров серьезное испытание, а для солдат любимое занятие. Стрельбы – настоящее дело, для которого требуется умение.

А голод между тем давал о себе знать. Неужели после этих учебных стрельб состоится обсуждение результатов? Скорее всего... При поистине пчелином усердии Лауса не миновать нам разбора стрельбы по мишеням с бесконечными придирками. Похоже, сегодня мы окончательно убедимся в том, что голод и в самом деле не тетка.

Тропинка вывела на опушку леса, где матерые ели стояли вперемежку с кряжистыми березами. Я поймал себя на том, что природа на голодный желудок не вызывает у меня прежнего радостного чувства.

Неожиданно среди идущих впереди солдат возникло замешательство. Что такое? Я пускаюсь во всю прыть к развилке, где человек тридцать солдат сгрудились вокруг троих поляков в гражданском с корзинками с отборными куриными яйцами.

Поляки что-то лопочут, но я по-польски ни бум-бум! Но и так ясно, что они продают яйца, а нам, к несчастью, до сих пор не выплатили жалованье.

Короче говоря, довольно быстро выясняется, что в наших карманах пусто.

Не в силах противостоять искушению, мы запускаем руки в корзины. Направо-налево сыплются удары, но все это происходит в полном молчании. У меня в пилотке оказалось восемь целехоньких яиц. Не так уж и плохо, если не обращать внимания на боль в ноге. Кто-то вмазал мне каблуком по щиколотке.

На меня во все глаза таращится упитанный австрияк. Глядя на его румяное мальчишеское лицо, я и представить себе не мог, каким оно станет через месяц, когда утомительная беспощадная фронтовая жизнь всей тяжестью обрушится на нас.

Я протягиваю ему пару яиц. Он от изумления и счастья теряет дар речи.

Оставшиеся шесть яиц я проглатываю чуть ли не со скорлупой.

Наконец-то мы на стрельбище. Здесь по меньшей мере тысяча солдат. Стрельба не прекращается. Издалека виднеются поднятые над бруствером темные и белые мишени. Те, что ближе, – для стрельбы из винтовок, а подальше – из пулеметов. Я прихватываю к винтовке дюжины две патронов, намереваясь расстрелять их, когда настанет моя очередь. Некоторые берут и больше, но и двадцати хватит.

Яйца в желудке начинают вести себя кое-как. Что обо мне думает при этом мой организм, вряд ли можно описать цензурными словами.

Время близится к вечеру. Мы голодны как волки. Наше отделение отстрелялось вполне прилично. Лаус получает благодарность. Вскинув винтовки на плечо, мы уходим со стрельбища. Шагаем по узкой гравийной дорожке. Сюда, кажется, шли другим путем.

Далеко ли до нашего замка? Оказывается, нам еще идти и идти. Километров десять точно. Мы шагаем и поем. Наверное, нет лучшей тренировки для легких, чем петь на марше. Поскольку я в добром здравии, думаю, тем вечером они превратились в кузнечные мехи.

Время от времени успеваю бросить взгляд на товарищей, которые уже задыхаются. На лицах у многих из них отчаяние. Что, собственно, происходит? Петер Делейге – он шагает наискосок от меня – вытягивает руку. На запястье у него поблескивает циферблат часов.

– Время! – произносит он вполголоса.

Наконец-то до меня дошло! Уже стемнело. Сейчас наверняка около шести... Получается, мы не успеем и на ужин?

Не мешает поднажать! Может, еще успеем и нам хоть что-нибудь перепадет.

Пустившись чуть ли не галопом, обгоняем фельдфебеля Лауса.

Тот в недоумении смотрит на нас, срывается было на крик, но спохватывается и на ходу бросает:

– Решили меня обставить, да? Ну, это мы еще посмотрим!

По его команде мы в седьмой раз затягиваем: «Эрика, мы тебя любим» – и, не замедляя шага, минуем массивный каменный мост, перекинутый через ров, вваливаемся на двор и видим колонну солдат, вооруженных котелками и кружками. Они выстроились в очередь у походной кухни с тремя огромными котлами.

По команде Лауса мы останавливаемся. Сейчас он гаркнет: «Разойтись!» – и мы рванем за котелками. Но наш мучитель заставляет поставить винтовки в пирамиду. Еще десять минут коту под хвост!

– Ладно, – наконец бросает он, – действуйте! Может, и вам чего достанется. И чтоб никакой свалки!

Мы соблюдаем порядок до двери оружейного склада, но за его пределами уже ничто не сможет нас удержать. Со всех ног несемся в казарму. Перепрыгивая через ступени лестницы, сбиваем с ног спускающихся солдат. Однако на своем этаже останавливаемся в растерянности. Никто не помнит наверняка, где живет. Носимся из одной комнаты в другую, отпихиваем друг друга, чертыхаемся, обмениваемся тумаками.

Счастливики, сразу обнаружившие свои котелки, галопом пускаются вниз по лестнице. Какое свинство! Сметут ведь все, что осталось!

Наконец я нахожу свой ранец, хватаю котелок и кружку, бегу во двор и, сопровождаемый дружелюбным взглядом фельдфебеля Лауса, занимаю место в очереди. Вижу, что в одном котле еще кое-что осталось, и с облегчением вздыхаю.

Улучив момент, разглядываю товарищей. Вот Бруно Ленсен. Он уже получил свою порцию. Жует прямо на ходу. Фарштейн, Оленсгейм, Линдберг, Гальс следуют его примеру. Настает и моя очередь. Я протягиваю котелок. Повар опрокидывает в него черпак, а в крышку отваливает приличную порцию каши. Я усаживаюсь на скамейке неподалеку и набрасываюсь

на пищу так, будто голодал годами. А вообще, неплохая стряпня! Попадают кусочки мяса, чернослив, манка. Через пять минут от них не остается и следа.

Напитков, похоже, не предвидится. Как и все мои товарищи, я иду в умывальню и опрокидываю в себя три кружки ледяной воды. Заодно мою котелок.

Вечерняя перекличка проходит в большом зале. Капитан сообщает нам об успехах рейха. Уже восемь. После сигнала «Отбой» был исполнен хорал «Возблагодарим Господа нашего». Затем мы плетемся к себе, валимся на топчаны и сразу же засыпаем.

Так проходит мой первый день в Польше. Сегодня 18 сентября 1942 года.

Нас поднимают в пять. И так ежедневно в течение двух недель. Организуется устоявшийся быт с дежурствами по казарме, маневрами, учебными стрельбами. Каждый день форсируем озеро. Разумеется, не вплавь...

Вечером только и хватает сил повалиться на матрас. Черкнуть родным уже не в состоянии.

В стрельбе мне сопутствует успех. Раз пятьдесят я удачно бросил гранату.

Время от времени моросит. Занудный дождь говорит о скорой зиме? Но на дворе октябрь. Сегодня только пятое. Небо с утра чистое. Прохладно. Может, будет отличный денек. После завтрака отправляемся повзводно на маневры.

Не поем – не было приказа. Слышно только, как грохочут сапоги. Этот звук мне по душе. Разговаривать с кем бы то ни было не хочется. Я набираю полные легкие холодного воздуха. Здорово! Я даже не пытаюсь понять, почему испытываешь душевную бодрость после ежедневной изматывающей муштры. Навстречу шагает взвод, расквартированный в двенадцати километрах от нас, в местечке Кременстовск. Мы салютуем друг другу. Они идут, повернув головы налево, мы – направо. Не меняя построения, переходим на ускоренный марш, затем возвращаемся к обычной скорости, и снова на ускоренный марш. По возвращении в замок застаем здесь пополнение.

Все унтер-офицеры заняты новобранцами. Мы в ожидании стоим у входа. Но и через полчаса до нас по-прежнему никому нет дела. Тогда мы составляем винтовки в козлы и расплагаемся прямо на плитах.

Я завожу беседу с лотарингцем. Получается забавная смесь французского с немецким. Так проходит утро. Удары колокола возвещают обед. Мы ставим винтовки в пирамиду на оружейном складе.

Уже полдень миновал. Так как никаких изменений в распорядок дня не поступило, Лаус объяснил нам, что у него сейчас тактические занятия, но не с нами, а с вновь прибывшими рекрутами. Прекрасно, просто великолепно! У нас мгновенно проснулась любознательность и жажда исследования. Мы поднимаемся на третий этаж, осматриваем местные достопримечательности, после чего карабкаемся по лестнице на чердак, а потом выбираемся на крышу, где пахнет летом.

Мы чувствуем себя как на пляже. Однако жара становится невыносимой. Скоро я, как и другие, отползаю в тень, а затем спускаюсь во двор и снова оказываюсь в обществе зануды лотарингца, который только и талдычит о том, с каким рвением он штудировал медицину. Сдалась мне его медицина! Отец собирался найти мне работу механика. Мы оба любим технику. А вообще, нет никакого смысла рассуждать о мирной жизни, когда тебя вот-вот отправят на фронт!

Хорошо бы научиться водить машину. А что, собственно, мешает? Мою просьбу принимают во внимание. И вот я уже испытываю удовлетворение, когда мне подчиняется сначала мощный мотоцикл, затем «фольксваген» и, наконец, «штейнер», или армейский вездеход. Впечатление, будто я всю жизнь только и делал, что водил машины.

10 октября

По-прежнему стоит прекрасная погода, но по утрам подмораживает. Весь день мы практикуемся в вождении легкого танка, предназначенного для использования в разведывательных подразделениях. Набиваемся в танк, как сельди в бочку. Носимся по пересеченной местности и не вываливаемся только потому, что то и дело проделываем акробатические кульбиты. Смеемся до упаду. Зато к вечеру из каждого получился заправский танкист. Мы до смерти устали, но довольны.

На следующий день с неослабевающим рвением принимаемся закреплять навыки, приобретенные накануне. Так хоть согреться можно. Но тут появляется Лаус и дает команду на построение.

– Сайер! – рявкает он.

Я делаю шаг вперед.

– Лейтенанту Штарфе нужен солдат, умеющий водить танк. Ты вчера, по-моему, отличился больше всех. Вот и иди готовься!

Отдаю честь и пускаюсь вскачь. Разве такое возможно?! Оказывается, я – лучший танкист взвода! В два счета одеваюсь и выбегаю во двор. Рванул в штаб, и оказалось – не напрасно. Лейтенант Штарфе уже ждет. Это худощавый, с угловатыми чертами лица человек. Настроен довольно дружелюбно. Говорят, в Бельгии он получил ранение, но остался в армии и теперь направлен сюда на должность инструктора. Беру под козырек.

– Вы знаете дорогу в Кременстовск? – спрашивает лейтенант и улыбается.

– Так точно, господин лейтенант.

По правде говоря, я не был уверен, что знаю. Мелькнула догадка: а не та ли это дорога, по которой иногда проходят отделения из какого-то отдаленного поселка? Мы еще пару раз встречались у перекрестка...

Надо сказать, я польщен и, разумеется, не раздумывая, выдаю желаемое за действительное.

– Вот и отлично, – отвечает Штарфе, продолжая улыбаться. – Что ж, тогда в путь!

Он указывает на один из легких танков, искусством вождения которого мы овладели вчера. У боевой машины на прицепе прикрытое камуфляжной сеткой 88-миллиметровое зенитное орудие, у которого пробивная способность не имеет себе равных: снаряды прямой наводкой пробивают обычные блиндажи с расстояния до двух тысяч метров. Я усаживаюсь на место водителя и завожу мотор. Топлива осталось всего литров десять. Соображаю, что этого явно недостаточно, и прошу разрешения заполнить бак. Получив его, хвалю сам себя за сообразительность. Минуты через три мы отправляемся. Я веду машину неуверенно. Однако крепостные ворота и мост через ров минуем благополучно. На Штарфе даже не гляжу. Он-то наверняка заметил, что я тот еще танкист. Отъехав от замка метров восемьсот, поворачиваю на дорогу, которая, как мне кажется, ведет в Кременстовск. Минут десять мы еле ползем. Я боюсь ошибиться. Мимо на телеге с сеном громыхают поляки. Они видят танк и сразу же уступают дорогу. Штарфе поглядывает на меня. Маневр поляков вызывает у него улыбку.

– Наверное, решили, вы нарочно не торопитесь. Откуда им знать, что вы новичок?

Ума не приложу, как реагировать. Если это шутка, то совсем не смешно. Нервы у меня на пределе. Беднягу лейтенанта трясет так, будто он едет на верблюде. Впереди проглядывают какие-то постройки. Я ищу глазами указатель, но вижу лишь светловолосых ребятишек, сбегавшихся поглазеть на танк. Рискуют попасть под гусеницы, я усмехнулся.

Наконец замечаю колонну немецких автомашин на обочине. Штарфе указывает на дом с развевающимся флагом. Я облегченно вздыхаю. Слава богу!

– В этом Кременстовске ждать придется час, не меньше, – говорит Штарфе. – Загляните в столовую. Может быть, дадут чего-нибудь согреться.

Он похлопывает меня по плечу. Дружелюбие лейтенанта трогает меня. Доставил я его в Кременстовск не лучшим образом. Да и вообще, кто он мне? А повел себя как родной отец.

Я направляюсь к зданию, которое по внешнему виду напоминает ратушу. На двери надпись: «Столовая для солдат 27-й роты». Караульного нет. Вхожу. В вестибюле трое солдат заняты распаковкой коробок с продовольствием. В соседнем помещении стоят и разговаривают еще человека три-четыре.

– Не найдется чего-нибудь горяченького? Я только что привез сюда офицера, но я не из двадцать седьмой роты.

– Ну вот, – бурчит солдат за перегородкой. – Еще один из этих эльзасцев, так их и разэдак! Вечно из себя немцев корчат!

Но что ты будешь делать?! Вечно меня подводит акцент, будь он неладен!

– Я не эльзасец, а немец – наполовину. Моя мать немка. А вы полегче! – огрызаюсь я.

Но им вообще наплевать. Тот, который за перегородкой, шагает на кухню. Я в своей серо-зеленой шинели стою посреди комнаты. Минут через пять хамоватый солдат возвращается с кружкой, до половины наполненной козьим молоком. Он вливает в нее целый стакан спирта и, не говоря ни слова, протягивает мне.

Напиток обжигает, но я выпиваю все до дна. Глаз с меня не сводят, ждут, как я поперхнусь... Терпеть не могу алкоголь, но пусть не думают, будто я размазня!

Ухожу, не козырнув, и снова оказываюсь на улице. Холодно! Вот теперь уж точно в Польше настала зима. Небо покрыто тучами. Температура опустилась до минус шести.

Куда податься? На площади ни души. Поляки сидят по домам, у печек греются. Иду на стоянку, где солдаты возятся с грузовиками. Отваживаюсь произнести несколько слов, мне отвечают, но без особого энтузиазма. Для них я желторотый юнец. Им всем уже за тридцать. Продолжаю бесцельно шататься. На глаза попадаются четверо бородачей в шинелях бурого цвета. Они пилят ствол дерева длинной пилой. А такую форму я вижу впервые.

Подхожу к ним. Улыбаясь, спрашиваю, все ли в порядке. Вместо ответа, бородачи прекращают пилить, выпрямляются и робко улыбаются. Один из них рослый парень. Остальные попрямистее, коренастые. Я задаю два-три вопроса, но в ответ ни слова. Они что, издеваются?!

– Оставь их в покое, – раздается голос у меня за спиной. – Не знаешь разве, разговаривать с ними запрещено. Им можно только приказывать.

– Да они молчат, будто язык проглотили. Какой от них в вермахте толк?

– Ну ты даешь! – присвистнул парень, надумавший меня поучать. – Да ты, похоже, и пороху не нюхал! Они русские, понял? Коль случится попасть на фронт и ты увидишь перед собой кого-нибудь из русских – стреляй не раздумывая, иначе ты уже никого больше не увидишь.

Я смотрю на русских. Они продолжают пилить. Вжик– вжик, вжик-вжик! Так вот они какие, наши враги, те, что стреляют в немецких солдат, на которых форма, похожая на мою. Почему же тогда они мне улыбались?

Следующие две недели жизнь в замке у меня и у моих товарищей из 19-й роты катится по наезженной колее. Мало-помалу я начинаю забывать о встрече с мрачными грубиянами из 27-й роты. Да ну их! Как-никак, они были призваны в 1940 году.

Зима. Здесь – грязь непролазная. Дождь и снег превратили землю в месиво. С наступлением сумерек мы возвращаемся в казарму грязные и жутко усталые. И все же радость жизни не идет на убыль: мы молоды и здоровы. Я догадываюсь, что эти временные трудности – ерунда

по сравнению с испытаниями, которые ждут нас впереди. По вечерам ныряем под одеяла и травим анекдоты, пока не одолеет сон.

28 октября

Хотя погода не слишком холодная, приятного мало. По небу целый день ходят тяжелые тучи, буйствует ветер, и моросит дождь. Нашим фельдфебелям надоело возвращаться в казармы промокшими до нитки, так что большую часть времени мы совершенствуемся в стрельбе и вождении танка. Кстати, нет ничего более отвратительного, чем копаться в моторе под дождем.

Столбик ртути в термометре постоянно на нуле.

30 октября

Идет дождь, холодный ветер пробирает до костей.

После присяги нас посылают на склад. Идем, не требуя объяснений. Там хотя бы можно согреться. Из складского помещения, оборудованного под внушительным навесом, уже выходят два взвода нашей роты. Наступает и моя очередь. Мне вручают четыре банки сардин, на которых значится, что они произведены во Франции, две вегетарианские колбаски в целлофановой упаковке, пачку витаминизированного печенья, две плитки швейцарского шоколада и граммов двести кускового сахара. Прохожу немного дальше и получаю плащ-палатку, пару носков, шерстяные перчатки. На выходе мне вручают коробочку с надписью: «Аптечка. Первая помощь». Присоединяюсь к своим товарищам. Они толпятся и мокнут под дождем возле грузовика, в кузове которого стоит офицер. На нем серо-зеленое кожаное пальто. В таком одеянии ни дождь, ни холод не страшны. Офицер, похоже, ждет, пока соберется вся рота. Решив, наконец, что все на месте, он обращается к нам, но говорит так быстро, что я едва успеваю понять, о чем речь:

– Через полчаса на передовую отправляется эшелон. Вы будете его сопровождать. Паек, который вы только что получили, рассчитан на восемь дней. Берите все с собой. На сборы вам дается четверть часа. Через двадцать минут жду вас здесь.

Вот этого мы никак не ожидали. Несемся в казармы складывать пожитки. Я застегиваю ранец и надеваю его.

– Сколько мы там пробудем? – спрашивает у меня сосед.

– Понятия не имею.

– А я как раз отправил письмо родителям. Просил прислать еще книг.

– Не бери в голову, – откликаюсь я. – Посылку тебе перешлют, вот и все.

И тут Гальс, с которым я уже успел подружиться, хлопает меня по плечу. Я оглядываюсь.

– Хоть посмотрим на этих русских! – подмигивает он мне и ухмыляется.

Ясное дело. Хорохорится... Самообладание, конечно, ценная черта характера, но при мысли о войне, фронте, боях всем становится не по себе.

И вот мы снова во дворе, стоим, мокнем. Каждый из нас получает винтовку «маузер»⁶ и двадцать пять патронов. Ребята немного нервничают. Нас можно понять – в роте нет никого старше восемнадцати. Лейтенант улавливает наше замешательство и для поднятия духа зачитывает последнюю сводку вермахта. Фон Паулюс уже на Волге, фон Рихтгофен приближается к Москве. Англичане с американцами хоть и бомбят города рейха, но несут тяжелые потери. Мы рывкнули во все горло:

⁶ «Маузер» – автоматическая винтовка. Названа по имени изобретателей братьев Вильгельма и Пауля Маузеров.

– Зиг хайль!

У офицера определенно отлегло от сердца.

Наша 19-я рота выстраивается перед знаменем.

Здесь же и Лаус, наш фельдфебель. Он в каске, как и мы, и в полном снаряжении. На боку – блестящая от капель дождя длинная черная кобура. Мы молчим. Приказ разрывает гробовую тишину:

– Смирно! Направо! Шагом марш!

Выстроившись в шеренгу по трое, покидаем замок, ставший нам домом. Последний раз проходим по каменному мосту, топаем по дороге, по которой шагали сюда полтора месяца назад. Пару раз я, оглянувшись, бросаю прощальный взор на средневековый рыцарский замок. Пожалуй, больше не доведется его увидеть.

Меня охватило бы уныние, не будь рядом товарищей. В Белостоке, куда мы прибыли, целое море зеленых шинелей. Выстраиваемся в походную колонну и направляемся к железнодорожной станции.

Часть первая Россия Осень 1942 года

Глава 1 На Сталинград

Минск. – Киев. – Харьков

Мы стоим у длинного железнодорожного состава. Винтовки составлены в козлы, ранцы сняты. Сейчас, вероятно, полдень, а может, час дня. Лаус достал из ранца какую-то еду и сосредоточенно жует. В физиономии его привлекательного мало, но мы с нею сроднились. Он поднимал наш дух. Будто по команде, мы тоже вытащили продукты. Кое-кто принялся уплетать все подряд. Лаус поморщился, но орать не стал.

– Ну давайте, впихните в себя сразу восемь комплектов! Раньше следующей недели все равно ничего не получите.

Мы съели вполтину меньше того, что требовал разгулявшийся аппетит, но хоть согрелись чуть-чуть.

Ведь уже часа два, как мы стояли на холоде, и здорово продрогли. Ходили вдоль состава, шутили, притоптывали каблуками, чтобы согреться. Те, у кого была бумага, принялись писать письма. У меня заоченели пальцы, так что было не до письма. Через станцию непрерывно шли эшелоны с боеприпасами. Неожиданно составы остановились и растянулись чуть ли не на километр. Что ж это такое? Прибывают составы, высаживают подкрепления, а на путях стоят, ожидая отправления, другие. Вот подошел еще один поезд, постоял несколько минут и проследовал в обратном направлении. Ну и беспорядок!

Состав, возле которого мы стояли, замер, кажется, навечно. Может, оно и к лучшему.

Решив размяться, я подтянулся и заглянул в товарняк. Скота, разумеется, там не оказалось, зато боеприпасов хоть отбавляй.

Мы толклись на станции уже четыре часа и совсем окоченели. С наступлением темноты холод усилился. Чтобы скоротать время, снова полезли в рюкзаки. Почти совсем стемнело. Лаусу, видно, тоже все уже осточертело. Он надвинул шапку на уши, поднял воротник и ходил туда-сюда, стараясь согреться. Наверно, прошагал километров десять. Наши хеминцевские собрались кучкой. Ленсен, Оленсгейм и Гальс – немцы, говорившие по-французски ничуть не лучше, чем я по-немецки; эльзасец Морван; австриец Утербейк, походивший из-за темных курчавых волос на итальянца (потом, правда, он оторвался от нашей группы), и, наконец, я, наполовину француз, наполовину немец. Шестеро из нас кое-как нашли общий язык. Утербейк же, будь он неладен, напевал под нос итальянские песенки про любовь, совершенно неподходящие к обстановке. Мы вообще-то к Вагнеру привыкли, а тут слушай жалобные стенания о судьбе неаполитанского чудика.

Часы Гальса со светящимся циферблатом показывали уже половину девятого. Мы решили, что уж на ночь-то нас на станции не оставят. Не тут-то было. Прошел еще час, и некоторые солдаты, разложив спальные мешки, начали устраиваться на ночлег. Чтобы защититься от сырости, некоторые не побоялись лечь прямо на шпалах, под вагонами.

Наш фельдфебель примостился на тюке с армейскими шмотками и закурил. Выглядел он не лучшим образом. В голове не укладывалось, что нас бросят на произвол судьбы, заставят ночевать вот так, под открытым небом. Не может такого быть! Вот-вот раздастся гудок, извещающий об отправлении, тем умникам, что уже расположились на ночлег, придется в спешке паковать спальные мешки. Но лучше бы мы последовали их примеру. Прошло два часа, а мы по-прежнему сидели на холодном каменном полу. Мороз усиливался. Пошел дождь. Наш фельдфебель устроил себе палатку: чемоданы он накрыл водонепроницаемой тканью и так спасался от непогоды. Старый лис!

Нужно найти укрытие. Далеко отходить от ружей нельзя, но мы все равно оставляем их мокнуть под дождем, ожидая наутро настоящую взбучку. Лучшие места уже, конечно, заняты. Остается забраться под вагоны. Лучше бы внутрь, но двери завязаны проволокой.

Проклинаю все на свете, устраиваемся на ночлег: какое-никакое, а все ж убежище! С нас течет ручьем; мы вне себя от злости. Но у командования наши мелкие проблемки, наверное, вызывают только смех...

Впервые я спал под открытым небом. Что и говорить, пробыть с закрытыми глазами больше пятнадцати минут мне не удавалось. Пологом постели мне служила огромная ось; иногда мне казалось, что она перемещается, словно бы поезд поехал. Я просыпался и обнаруживал, что все по-прежнему на месте; снова погружался в дремоту и опять пробуждался. С первыми лучами солнца мы, разминая затекшие члены, выбрались наружу. Выглядели, наверно, как мертвецы, которых только что выкопали из земли.

В восемь утра мы построились и направились к перрону. Гальс не переставал повторять, что с тем же успехом мы могли бы заночевать и в казармах. О тяготах солдатской жизни никто из нас не имел ни малейшего представления. Впервые мы провели ночь под открытым небом, а сколько еще таких ночей, только в худших условиях, ожидало нас!

А пока нам предстояло сопровождать состав с боевой техникой. Нашу роту загодя разделили на три части для сопровождения трех эшелонов – по три, а то и два человека на платформу. Мне с Гальсом и Ленсеном выпало охранять прикрытые брезентом крылья самолетов с изображением черного креста и другие детали военной техники, предназначенные для люфтваффе. Судя по маркировке, груз следовал из Ратисбонна в Минск.

Минск, значит, Россия. Во рту пересохло. Сердце забухало.

Вскоре раздался свисток, и состав тронулся.

Спустя какое-то время дождь прекратился, но зато повалил снег. Поразмыслив, мы забрались под брезент и устроились возле авиационного двигателя. Ветер перестал нас трепать. Сразу стало теплее. Прижавшись друг к другу, почти согрелись. Мы, разумеется, пустословили и время от времени разражались хохотом – хотя над чем было смеяться? Состав катил на восток, что происходит вокруг – мы не знали. Лишь время от времени доносилось громохание встречных поездов.

Вдруг Ленсену послышался крик. Он сделал нам знак замолчать и с опаской высунул голову из-под брезента.

– Лаус... – сказал он спокойно. Помолчав, добавил: – Ложная тревога.

Однако спустя пару секунд кто-то рванул край брезента. Перед нами предстала физиономия фельдфебеля. При виде наших счастливых лиц его перекосило от ярости. Спасаясь от стужи, Лаус надвинул на голову каску и натянул перчатки. Снег запорошил его с ног до головы.

– Стоять! Смирно! – гаркнул он.

Но выполнить команду с обычной резвостью мы не могли. Платформу так и качало из стороны в сторону.

То, что произошло далее, достойно театра абсурда. Я до сих пор, по прошествии стольких лет, вижу неуклюжего медведя Гальса. Он изо всех сил пытается стоять прямо, но состав трясет так, что Гальс вместе с ним шатается влево–вправо. У меня шинель зацепилась за какую-то

деталь двигателя и тянет к полу. Лаус тоже не на высоте. Впечатление такое, будто он здорово перебрал.

Наконец, наш фельдфебель состроил зверскую гримасу и встал на одно колено. Мы последовали его примеру. Со стороны нас можно было принять за четверку заговорщиков. Но все было гораздо прозаичнее. Фельдфебель честил нас последними словами.

– Какого дьявола вы тут расселись? – бушевал он. – Вы вообще соображаете, кто вы и зачем мы все здесь?

Гальс, которого тошнило от всяких там церемоний, не долго думая, перебил вышестоящее начальство.

– Стоять снаружи нет смысла, – резонно заметил он. – Холод ужасный, да и чего тут увидишь?

Как рассвирепел Лаус – это надо было видеть! Он схватил Гальса за воротник, потряхнул, как мешок с сеном.

– На первой же остановке я подам рапорт! – отчеканил он. – Штрафного батальона тебе не миновать. Вы оставили свой пост, ясно? Ты хоть подумал: а что, если взорвется впереди идущая платформа? Каким образом вы оповестите остальных? Штаны просиживая под брезентом?

– А что? – спросил Ленсен. – Впереди идущая платформа вот-вот взорвется?

– Да заткнись ты, идиот! Повсюду орудуют диверсанты. Русские готовы на все. Партизаны отправляют под откос целые поезда, кидают гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Для того вы и здесь – чтобы этому помешать. Надевайте каски и вперед, а не то я вас вышвырну!

Повторять приказ ему не пришлось. И хотя холод пробирал до костей, мы расположились в назначенных Лаусом местах. А он, уцепившись за выступ, перепрыгнул на следующую платформу. Он всегда четко выполнял поставленные перед ним задачи. Хотя мне и не доводилось беседовать с ним по душам, я подозревал, что он, в сущности, неплохой человек. Все другие унтер-офицеры не проявляли такой строгости: говорили, будто берегут себя для настоящего дела. Однако в нужный момент от Лауса пользы было не меньше, а то и больше, чем от других. Из фельдфебелей он был самым старым. Может, побывал на передовой, даже пороху понюхал. Короче говоря, на мой взгляд, его нельзя было назвать безответственным. Во всяком случае, нам он спуску не давал.

Если мы не в состоянии переносить холод и прочие тяготы, на фронте нам не выжить. Погибнуть от рук какого-то диверсанта, не повидав настоящей войны, просто глупо.

Неожиданно впереди я увидел человека. Он бежал по соседнему пути. Наверное, заметил его не я один, но никто из солдат, сидевших на передних платформах, даже не шелохнулся.

Я схватил свою винтовку и прицелился в диверсанта. А кто же это, если не диверсант?

Эшелон шел медленно. Лучшей мишени и не сыщешь. Через несколько минут наша платформа поравнялась с бегущим человеком. В его облике не было ничего особенного. Может, просто лесоруб решил поглазеть на состав. Как – никак, мы пока еще в Польше. Я почувствовал себя дураком: приготовился стрелять, а врага-то и нет. Всего-навсего какой-то поляк-ротозей. Я прицелился, намереваясь дать выстрел поверх его головы, и спустил курок.

Прогремел выстрел. Поляк со всех ног бросился бежать. А я подумал: вот так у рейха стало врагом больше...

Эшелон шел с прежней скоростью. Немного погодя появился Лаус. Мороз морозом, а обход надо продолжать! Он окинул меня удивленным взглядом.

Решили дежурить посменно: двое несут вахту на боевом посту, третий греется под брезентом. Мы были в пути уже восемь часов и жутко продрогли; стоило нам подумать, что будет ночью, и становилось совсем паршиво. Я нырнул под брезент, и все двадцать минут у меня зуб на зуб не попадал. Мы приближались к Минску. Темнел лес. Четверть часа назад эшелон стал прибавлять скорость. Свирепый ветер обещал смерть от холода. Чтобы согреться, мы съели чуть ли не половину рациона.

Вдруг поезд стал сбавлять ход. Заскрипели тормоза, брякнули муфты сцепления. Вот мы уже движемся еле-еле. Первые платформы повернули направо. Нас переводили на второй путь.

Еще минут пять эшелон продолжает двигаться и, наконец, замирает. Два офицера, спрыгнувшие с одной из передних платформ, идут в конец состава. Им навстречу вышли Лаус и еще два сержанта. Они о чем-то посоветовались, но нам ничего не сказали. Солдаты высунули головы и осматривали округу. Для террористов лучшего места, чем лес, не найти. Поезд стоял уже несколько минут – и тут вдалеке раздался стук колес. Мы спустились и, чтобы согреться, ходили туда-сюда, когда раздался свисток, призывающий нас вернуться в вагоны. На колее, с которой наш состав только что ушел, показался локомотив, окутанный облаком дыма.

То, что я увидел, ужаснуло меня. Хотел бы я быть гениальным писателем, чтобы во всех красках описать представшее перед нами зрелище. Вначале появился вагон, наполненный железнодорожным оборудованием. Он шел впереди локомотива и скрывал и без того неяркий свет фар. Затем последовал сцепленный с ним локомотив, затем – вагон, в крыше которого была проделана дыра – судя по всему, полевая кухня. Из короткой трубы ее шел дым. Вот еще один вагон с высокими поручнями; в нем едут до зубов вооруженные немецкие солдаты. В остальной части состава – открытых платформах, вроде той, на которой ехали мы, – перевозился совсем иного рода груз. Вначале я с непривычки даже не смог разобрать, что же это, и лишь через несколько мгновений понял, что вагон переполнен человеческими телами, за которыми сидели или стояли скорчившись живые люди. Самый осведомленный из нас коротко пояснил: «Русские военнопленные».

Мне показалось, что именно такие коричневые шинели я уже видел в замке, но полной уверенности не было. На меня взглянул Гальс. Его лицо было смертельно бледным, лишь красные пятна проступали кое-где от холода.

– Видал? – прошептал он. – Они выставили мертвецов, чтобы защититься от мороза.

От ужаса я и слова не мог вымолвить. Трупы были в каждом вагоне: бледные лица, ноги, заострившиеся от мороза и смерти. Я стоял, не в силах отвести глаз от отвратительного зрелища.

Мимо нас проезжал десятый вагон, когда произошло нечто еще более ужасное. Четыре или пять тел съехали с платформы и упали в сторону от путей. Похоронный поезд не остановился. Группа офицеров и сержантов из нашего поезда пошла посмотреть, что случилось. Я, движимый каким-то странным любопытством, спрыгнул с вагона и подошел к офицерам, отдал честь и спросил дрожащим голосом, мертвы ли эти люди. Офицер окинул меня удивленным взглядом. Ведь я не имел права оставить свой пост. Наверное, он заметил, как я смущен, поскольку не стал делать замечаний.

– Думаю, да, – печально сказал он. – Помогите товарищам похоронить их. – С этими словами он повернулся и ушел.

Со мной пришел Гальс. Мы вернулись к вагонам за лопатками и начали копать яму неподалеку от насыпи. Лаус и еще один парень обшарили одежду мертвецов, пытаясь найти документы, по которым можно было бы установить их личность. Позже я узнал, что никаких гражданских документов у бедняг не было. Гальсу и мне понадобилось собрать в кулак волю, чтобы не смотреть на трупы, когда мы тащили их к яме. Мы засыпали их землей, когда раздался сигнал об отправлении. С каждой минутой становилось все холоднее. Меня переполняло чувство отвращения.

Час спустя наш поезд прошел мимо разрушенных, как мы заметили, несмотря на плохую освещенность, зданий. Проехал еще один поезд, который не произвел на нас столь мрачного впечатления, но и лучше от его вида нам не стало. Вагоны были помечены красными крестами. На носилках, которые были видны через окна, лежали, скорее всего, тяжело раненные. Из других окон нам приветливо махали перевязанные солдаты.

Наконец мы прибыли на вокзал в Минске. Поезд остановился на всем протяжении длинной широкой платформы, по которой сновали занятые делом солдаты и русские военнопленные, которых вели другие пленники с белыми повязками на рукавах. Это были русские перебежчики. Они сами вызвались караулить товарищей, что как нельзя лучше устраивало наших властей: кто еще может заставить русских пленников целый день трудиться?

Раздавались приказы, сначала по-немецки, затем по-русски. К нашему поезду подошла толпа. При свете подогнанных к платформе грузовиков началась разгрузка. Мы также приняли участие в работе, на которую ушло почти два часа: немного согрелись, а затем снова занялись своими запасами продовольствия. Гальс, не страдавший отсутствием аппетита, за две недели поглотил больше половины пайка. Ночь мы провели даже с удобствами в каком-то здании.

На следующий день нас отправили в госпиталь, где продержали два дня и сделали несколько прививок. Минск подвергся сильным разрушениям. Город пострадал от обстрела. По некоторым улицам вообще невозможно было пройти, так много было там ям, образовавшихся после бомбежки. Многие из них достигали порой глубины пятнадцати футов. Чтобы как-то перебраться через препятствия, через траншеи перебрасывали доски. Один раз мы уступили дорогу нагруженной продуктами русской женщине, за которой бежало четверо или пятеро ребятишек, тарашивших на нас удивленные круглые глаза. Встретилось нам и несколько необычных магазинчиков, вместо разбитых стекол в которых были вставлены доски или мешки с соломой. Мы с Гальсом, Ленсеном и Морваном любопытства ради заглянули в некоторые из них. На полках стояли разрисованные в разные цвета глиняные кувшины с напитками, растениями, сушеными овощами или густым сиропом.

Как поздороваться по-русски, мы не знали, поэтому разговаривали только между собой. Русские в лавочках смотрели на нас со смешанным страхом и улыбкой. Владелец магазинчика подходил с вымученной улыбкой, предлагая взять его продукты, надеясь таким образом умиловить безжалостных вояк, какими мы представлялись его воображению.

Мы зачерпывали ложками сироп с желтоватой мукой, довольно приятной на вкус, немного напоминающей мед. Единственное, что мне не нравилось, – было слишком много жиру. Как сейчас передо мной встают лица русских. Вручая нам свой сироп, они улыбаются, произнося слово «орулка». Я так никогда и не узнал, что оно значит: приглашение отведать кушание или так называлась эта смесь. «Орулкой» мы питались все эти дни, что, однако, не мешало вовремя появляться и к обеду, начинавшемуся в одиннадцать часов.

Гальс с исключительной вежливостью брал все, что предлагали ему русские. Меня это порой даже раздражало: он клал в котелок все продукты советских торговцев, отличающиеся друг от друга лишь консистенцией. Иногда в его котелке были смешаны пресловутая «орулка», вареная пшеница, селедка, нарезанная на кусочки, и прочие продукты. Что бы там ни было намешано, Гальс поглощал все, напоминая при этом ненасытного бора.

Впрочем, времени для отдыха особенно не было. Минск – важный центр армейских поставок. Нужно было отправлять грузы по назначению и распаковывать прибывающие.

Жизнь войсковой части этого сектора была на удивление хорошо организована. Приходила почта. Солдатам, уезжавшим в отпуск, показывали фильмы – нас, правда, на них не пускали. Были также библиотеки и рестораны, работали в которых русские, обслуживая немецких солдат. Для меня посещение ресторана обходилось слишком дорого, и я в них не ходил, зато Гальс, готовый пожертвовать чем угодно, лишь бы наполнить желудок, тратил здесь все свои деньги да и добрую часть наших. В обмен он подробно расписывал все меню заведения, не забывая немного и приврать. От его рассказов у нас слюнки текли.

Кормили нас гораздо лучше, чем в Польше, к тому же мы без особых затрат добавляли к рациону продукты, купленные на свои деньги. А это было необходимо. В начале декабря начались жуткие морозы, температура упала до пяти градусов ниже нуля. Снег, выпадавший в огромных количествах, не таял; местами лежали сугробы до трех футов высотой. В таких усло-

виях поставка на фронт продовольствия замедлялась, и, как рассказывали солдаты, возвращавшиеся с передовой, где было еще холоднее, чем в Минске, им приходилось делить между собою скудные рационы. Недостаток пищи и морозы приводили к болезням, главным образом воспалению легких и обморожениям.

В это время рейх прилагал все усилия, чтобы защитить солдат от русской зимы. В Минск, Ковно и Киев были привезены в огромном количестве одеяла; зимняя одежда из овечьей кожи; калоши с толстыми мысками и шерстяным верхом; перчатки, капюшоны и переносные обогреватели, работавшие одинаково хорошо как на бензине, нефти, так и на алкогольном спирте; продукты, запечатанные в особые коробки, да и тысячи других необходимых вещей. Наша задача, конвойных войск Ролльбана, – доставить все это на передовую, где груз ждали наступающие войска.

Мы предпринимали сверхчеловеческие усилия, но успевали далеко не всегда. Никакими словами невозможно описать наши страдания – не от солдат русской армии (она пока только отступала), а от мороза. Дороги, находившиеся за пределами крупных городов (которых, прямо скажем, и так было немного), отремонтировать не успели; тем более не смогли провести новые. Пока мы осенью занимались гимнастикой, вермахт, проведя блестящее наступление, застрял в невероятной трясине вместе со всеми поставками. Наступили холода – и замерзли отвратительные колеи, ведущие на восток. На этих дорогах можно было проехать только в телегах, и все же появилась возможность перевозить войска. Но наступила зима, на огромные пространства России обрушились тонны снега, и движение снова оказалось парализовано.

В декабре 1942 года мы сопровождали грузы. Разгребали снег, чтобы наши телеги смогли продвинуться на пятнадцать – двадцать миль, но на следующий день все опять оказывалось засыпано снегом, и приходилось снова браться за дело. Под снегом были сплошные кочки и овраги, на которых мы постоянно спотыкались, а к вечеру приходилось подыскивать себе крышу над головой.

Иногда ночное прибежище сооружали наши инженеры, иногда мы устраивались на ночлег в избе или еще в каком-нибудь первом попавшемся доме. В помещение, предназначенное для одной семьи с двумя детьми, нас набивалось человек по пятидесяти. Особенно ценились специально для условий русской непогоды изобретенные палатки из плотной водонепроницаемой ткани; они были рассчитаны на девять человек. Еды было предостаточно, и хотя бы в этом наше существование оказывалось более-менее сносным. Мылись мы редко; стали заводиться насекомые; поэтому первое, что мы делали, возвращаясь в Минск, это проходили дезинфекцию.

Мне изрядно надоели и «священная Россия», и передвижение в повозках. Я, как и все, боялся попасть под обстрел, но в то же время мне пора было бы и пострелять из маузера, который постоянно болтался при мне без всякой нужды. Казалось, стрельба будет моей мстью за мучения, доставляемые морозом, и волдыри, которыми покрылись мои руки от непрерывного разгребания снега. Кожаные перчатки порвались, и из них выглядывали мои заледеневшие пальцы.

Ощущение холода в руках и ногах было настолько сильным, что казалось, холод пронзил меня в самое сердце. Температура не поднималась выше минус пяти градусов.

Нас расквартировали в пятнадцати милях севернее Минска для охраны огромного гаража военных машин. В деревне было восемь изб; мы заняли семь; лишь в одной, самой большой, жила семья русских: отец, мать и две дочери Хорские. Они говорили, что приехали сюда из Крыма; о родине своей вспоминали с ностальгией. Хорские содержали трактир; в нем мы питались – на свои деньги – и убивали время с попутчиками.

Снег прекратился, но мороз крепчал. Как-то вечером (к этому времени мы простояли в деревне уже больше недели) я отправился на два часа в караул. Я пересек стоянку, на которой

были запаркованы машин пятьсот, а то и больше, наполовину засыпанных снегом. Весь день со страхом думал, как буду прохаживаться тут в темноте. Пока мы тут ходим, партизаны могут пробраться незаметно между машинами и всех нас перестрелять – чего уж проще. Правда, я уже успел себя убедить, что война, если она и идет, происходит не здесь, а где-то еще. Никого из русских, кроме торговцев и пленных, я пока еще не встречал.

Разубедив сам себя, я направился на свой пост, расположенный ярдах в пятнадцати от первых машин. Путь пролегал через траншею, выкопанную специально для того, чтобы мы могли дойти до самых машин или, наоборот, незаметно отойти. Прошел снег, и края траншеи поднялись еще почти на три фута; после каждого снегопада нам приходилось заново рыть окоп. Чтобы хоть что-то разглядеть, я встал на ящик. Я накинул на шинель еще и одеяло и едва мог пошевелить руками.

От порции алкоголя я отказался: от него мне становилось еще хуже. Начал настраиваться на противостояние ужасному морозу. Ночное небо было чистым; мне открывался обзор на сто ярдов. На горизонте виднелся чахлый кустарник. В разные стороны расходились телефонные провода; столбы, к которым они прикреплены, не прочно держались в земле и от тяжести снега часто заваливались.

Нос так и жжет от холода. Только нос: его я и высунул из-под одеяла. Шапка надвинута дальше некуда: она закрывает лоб и даже щеки. Сверху каска: ее полагается носить во время караульной службы. Поднятый воротник пуловера, который прислали родители, сзади доходит до края шапки.

Время от времени смотрю на технику, которую охраняю. Трудно и представить себе, что будет, если нам срочно придется уносить отсюда ноги. Двигатели, должно быть, промерзли насквозь.

Я пробыл на посту уже добрый час, когда на дальнем конце стоянки появилась чья-то фигура. Я забился в окоп. Перед тем как вытащить руки из карманов, отважился еще раз высунуться и посмотреть. Фигура направлялась в мою сторону. Может, это разводящий; а что, если большевик?!

Кряхтя от напряжения, я вытащил руки из теплых карманов и схватился за винтовку. Курок от мороза примерз к пальцу. Я взял оружие на изготовку и крикнул:

– Кто идет? Пароль!

Последовал правильный ответ, и я опустил ствол.

И все же не зря принял меры предосторожности: это был офицер, совершавший обход. Я отдал честь.

– Все в порядке?

– Да, лейтенант.

– Ну, с Рождеством тебя!

– Как? Уже Рождество?

– Конечно. Смотри.

Он указал на дом Хорских. Покрытая снегом изба, казалось, ушла в землю, но узкие окна светились ярче, чем разрешали правила затемнения. А в окнах виднелись силуэты моих товарищей. Прошло несколько секунд, и из вязанки дров, вероятно пропитанной бензином, показалось пламя.

Три сотни голосов, как один, орали в тиши морозной ночи песню «O Wainacht, o stille Nacht!»⁷. Неужто такое возможно? В ту минуту все остальное, все, что находилось за пределами лагеря, потеряло для меня значение. Я не мог отвести взор от горящих окон. Лица одних товарищей освещал костер; лиц других не было видно. А песня продолжала звучать, теперь

⁷ О Рождество, о тихая ночь! (нем.)

уже на несколько голосов. Не знаю, может, меня растрогала тишина ночи, но ничего лучшего в жизни мне не приходилось испытывать.

Впервые с тех пор, как я стал солдатом, мне вспомнилась юность. Что сейчас у меня дома? Что творится во Франции?

Из сводок мы знали, что многие французы встали теперь на нашу сторону. Это прекрасно! Хорошо, что французы и немцы сражаются плечом к плечу! Скоро мы перестанем мучиться от холода. Война закончится, и мы будем дома рассказывать о своих подвигах. На это Рождество я не получил никакого подарка, который можно было бы потрогать руками, но зато узнал о союзе между двумя родными для меня странами, и этого было достаточно. Я знал, что теперь я мужчина, и отгонял от себя неотступную мысль: как хорошо было бы получить в подарок какую-нибудь заводную игрушку.

Мои товарищи пели, и наверное, по всему фронту точно так же пели тысячи таких, как они. Тогда я еще не знал, что именно в это время советские танки «Т-34», воспользовавшись тем, что из-за Рождества прекратилось наше наступление, сокрушили посты Шестой армии в районе Армотовска. Тогда я и представить не мог, что тысячи моих товарищей в Шестой армии (в которой служил и мой дядя) погибли в аду Сталинграда. Разве мог я знать, что немецкие города подвергаются разрушительным налетам английской королевской авиации и ВВС США? Мне и в голову не могло прийти, что французы изменят франко-германской Антанте.

По-своему это было самое прекрасное Рождество в моей жизни. Я ни о чем не думал и ничего не хотел знать. Я был один под огромным небом, на котором светились звезды. Помню, как по моей замерзшей щеке пробежала слеза – не от горя и не от радости, а от какого-то другого, странного чувства.

Когда я вернулся на квартиру, празднование закончилось. Костер загасили. Гальс припас для меня полбутылки шнапса. Чтобы не обижать его, я сделал несколько глотков.

Прошло еще четыре дня. По-прежнему свирепствовали морозы; к тому же начались сильные снегопады. Наружу мы выходили лишь по обязанности, которые были сведены к минимуму. Мы спалили несколько тонн дерева. Дома сохраняли тепло, так что иногда мы даже потели от жары. Чувствовали себя совсем неплохо, и, как всегда бывает, тут как раз и начались неприятности.

Рано утром, часа в три, караульный ударом ноги распахнул дверь избы, впустив вихрь холодного воздуха и двух солдат, казавшихся близнецами, так похоже выглядели их посиневшие от мороза лица. Они прошли к печке и лишь через несколько минут заговорили. Я, как и все, крикнул им, что– бы закрыли дверь. В ответ раздалось ругательства и приказ встать. Мы, кряхтя и не слишком быстро, начали подниматься. Солдат, отдавший приказ, пнул скамейку, стоявшую подле, и снова проорал приказ, схватил одного из наших товарищей, укрытого одеялами, шинелью, мундиром, и выкинул его из импровизированной постели. При неясном свете от печки мы различили погоны фельдфебеля.

– Вы, свиньи, вы собираетесь встать? – прокричал он, вытаскивая из постели всех, до кого мог дотянуться. – Кто отвечает за это стадо? Какой позор! Так вы надеетесь остановить наступление русских? Если не будете готовы через десять минут, вышвырну вас прямо в таком виде.

Ничего не понимая после внезапного пробуждения, мы в спешке собирали пожитки. Не закрывая дверь, фельдфебель, как бешеный, выбежал из избы и бросился в другую, сея повсюду панику. Мы никак не могли понять, что происходит. Наш часовой, который с трудом пришел в себя, сообщил, что чужаки прибыли из Минска на попутной машине. Пятнадцать миль по заснеженной дороге проделать не так-то просто; вот чем объясняется их возбужденное состояние.

Но, как бы ни орал свирепый фельдфебель, собрать нас в строй меньше чем через двадцать минут ему не удалось. Лаус, спавший так же крепко, как и остальные, пытался привести нас в чувство, прикидываясь, что рассержен не меньше, чем его коллега.

Фельдфебель, гнев которого так и не улегся, выкрикивал приказы:

– Еще до рассвета вы должны отправиться в отряд коменданта Ультренера в Минске. – Он повернулся к Лаусу: – Берите из депо пятнадцать машин и отправляйтесь.

Непонятно, разве нельзя было позвонить? Зачем создавать себе лишние проблемы? Позже мы узнали, что во время нашего мирного сна телефонный провод был перерезан в четырех местах.

Невозможно представить себе, сколько мы потратили сил на то, чтобы завести грузовики и вывести их из депо. Мы перетаскивали целые баррели бензина, чтобы наполнить бензобаки, и алкоголя, который заливали в радиаторы, и, валясь с ног от усталости, разгребли кубические ярды снега. И все это почти в полной темноте. По разбитой заснеженной дороге, по которой добрался до нас фельдфебель, отправились в путь. Один грузовик съехал в кювет, и мы битых полчаса пытались его достать. Его взяла на буксир другая машина, но это не помогло: она только скользила по снегу и сама едва не съехала в яму. В конце концов пришлось нам всем заняться спасением чертова грузовика: мы в буквальном смысле слова вынесли его на руках. Часов в восемь утра, еще до наступления рассвета (в этих местах рассветает довольно поздно), мы прибыли в подразделение Ультренера. Выстроились, дрожа от холода, на огромной городской площади, где уже стояло помимо нас еще две-три сотни солдат. В Минске кипела жизнь.

Из громкоговорителей, расположенных на площади, слышалась речь Верховного главнокомандующего. Он сообщал, что даже победоносной армии не избежать потерь и гибели солдат; наша роль конвойных войск доставить, несмотря на любые невзгоды, о которых прекрасно знает командование, продовольствие, боеприпасы и все прочее, что требуется войскам, ведущим наступление. Любой ценой мы должны пробиться к берегам Волги: только так сможет продолжать победоносную битву генерал фон Паулюс. От места назначения нас отделяет тысяча миль, так что нельзя терять ни минуты.

После обеда мы отправились в путь. Я оказался один на 5,5-тонном ДКВ, нагруженном тяжелым автоматическим оружием. Дорога, ведущая из города, была прекрасно утрामбована, поэтому передвигались мы на большой скорости. Должно быть, здесь круглосуточно работала дорожная бригада. Снег на обоих берегах реки достигал двенадцати футов. Проехали через пост со множеством указателей. Мы свернули на стрелку: «На Припять, Киев, Днепр, Харьков, Днепропетровск».

На дорожные работы согнали всех, кто в состоянии был держать лопату, вот почему мы за небольшой промежуток времени проделали сто миль и поднялись на вершину холма, с которого открывался вид на безбрежные просторы.

Десять или двенадцать грузовиков, шедших впереди нас, сбавили скорость. Впереди отряд солдат убирал снег. Мощный грузовик толкал сани, снабженные чем-то вроде вентилятора, который разбрасывал снег во всех направлениях. А впереди лежали его огромные массы высотой почти в метр. (Дороги засыпали обильные снегопады, и без компаса даже невозможно было определить, где копать.) Наш командир с подчиненными ему офицерами рискнули совершить разведку в том направлении, где снег еще не был убран; погрузившись до колен, они обозревали горизонт и недоумевали, как же пробраться через эти непроходимые леса. В нашей машине было тепло, все окна закрыты, мотор работал.

Последовал приказ выйти из грузовиков и взять лопаты. Их всем не хватило, и офицеры приказали работать досками, касками, даже подносами.

Мы с несколькими солдатами решили отодрать заднюю дверцу грузовика и использовать ее как плуг для разгребания снега. Наши бестолковые попытки были прерваны свистком фельдфебеля.

– На что вы надеетесь? Ступайте со мной; пойдем поищем работников. Да захватите оружие!

Подобный поворот дела меня только обрадовал. Лучше уж идти с фельдфебелем, чем снег разгрести. Где он собирался раздобыть работников, совершенно неясно. Выехав из Минска, мы миновали всего две опустевшие деревни. Захватив винтовки, пошли в сторону от колеи, проделанной колесами грузовиков, с каждым шагом все больше погружаясь в снег.

Первые десять минут я изо всех сил пытался поспевать за фельдфебелем, который шел впереди на расстоянии пяти метров от меня. Я начал задыхаться, по спине, под тяжелыми слоями одежды, заструился пот. Из рта вырывался пар, тут же исчезающий в холодном воздухе. Я не отрывал глаз от глубоких следов, которые оставлял фельдфебель, пытаюсь идти с ним в ногу, но, поскольку он был покрупнее меня, я каждый раз ступал ногой в снег. На горизонт даже боялся посмотреть: он казался так далеко. Вскоре березы скрыли от наших взоров конвой.

Наш маленький нелепый отряд бесстрашно устремился в безбрежную пустыню снега. Так продолжалось около часа. Неожиданно, в полной тишине, мы услышали звук, становившийся все громче и громче, и остановились.

Фельдфебель сказал:

– Теперь уже близко. Жалко упускать такую возможность.

Что он имел в виду, я так и не понял, но вскоре услышал грохот. Слева я увидел черную полосу, прорезавшую снег. Поезд! Мы дошли до железнодорожной ветки. Но что это нам даст? Не взвалим же мы грузовики на вагоны?

Поезд медленно двигался примерно в полукилометре от нас. Состав был очень длинный: черные вагоны, перемежающиеся изредка локомотивами, из труб которых шел дым, который сразу же исчезал, как по волшебству. Наверное, поезд был снабжен особым снегоуборочным механизмом.

– Здесь полно товарных составов, – сказал фельдфебель. – В большинстве вагонов боеприпасы, но есть в них и пассажиры. Остановим один и возьмем русских работников.

Наконец-то я понял.

Теперь оставалось только ждать. Мы без конца ходили, пытаюсь согреться. Правда, температура, кажется, слегка повысилась, может, градусов до пятнадцати. Пока мы ждали поезда, мороз казался непереносимым. Солдаты, которые разгребали снег у грузовиков, были в лучшем положении: с них ручьем лил пот. Ни разу не видел, чтобы кто-то лучше, чем немцы, переносил мучения, будь то мороз, жара и что еще угодно. Я же во время пребывания в России только и делал, что без конца спасался от холода.

Первый поезд даже не остановился. Фельдфебель превзошел самого себя, пытаюсь остановить состав. Он был вне себя от гнева. Солдаты прокричали нам с поезда, что получили приказ ни при каких обстоятельствах не останавливаться.

Раздосадованные, мы продолжали передвигаться по направлению прошедшего поезда. В любом случае наверняка колея идет параллельно шоссе; чтобы вернуться к товарищам, надо лишь повернуть под прямым углом. Плохо лишь, что мы оторвались от кухни: время обеда уже прошло. В кармане шинели у меня были припасены два куска ржаного хлеба, но доставать их я не торопился. Вскоре мы сообразили, что железная дорога проходит мимо того места, где находился конвой, и вернулись назад.

Солдаты, с которыми я разгребал снег, уже познакомились друг с другом. Они не прекращали разговаривать с тех пор, как мы отошли от конвоя.

Теперь фельдфебель уже шел во главе целого отряда, и я пытался поспевать за ним. С обеих сторон железную дорогу окружал тощий кустарник, простиравшийся вперед на несколько километров. Постепенно кустарник становился все более плотным и отодвигался все дальше от путей. Среди бескрайних снежных просторов ясно выделялась любая неровность ландшафта. Уже несколько минут я не отрывал взгляда от черного пятна, видневшегося

в пятистах ярдах от нас. Десять минут спустя мы поняли, что это изба. Фельдфебель направился к ней. Видимо, это был дом железнодорожных рабочих. Фельдфебель повысил голос:

– Поторапливайтесь. Подождем здесь.

Мы перегруппировались. Молодой веснушчатый парень, один из тех, кто вместе со мною разгребал снег, рассказывал что-то остроумное своему приятелю. Мы приближались к избе, когда воздух прорезал резкий хлопок. Справа из избы показалось облачко дыма.

От изумления я не мог прийти в себя и испуганно оглядел своих товарищей. Фельдфебель распластался на земле, подобно вратарю, который ловит мяч, и зарядил винтовку. Веснушчатый парень, пошатываясь, направился ко мне; его глаза были широко раскрыты, и в них застыло глупое недоуменное выражение. Не дойдя шести шагов, он повалился на колени, открыл рот, как будто собрался вскрикнуть, но так ничего не произнес и опрокинулся на спину. Раздался второй щелчок и характерный свист пролетевшей пули.

Не раздумывая ни секунды, я бросился на снег. Фельдфебель выстрелил, и с крыши следов комков снега. Я не мог оторвать взгляда от молодого солдата с веснушками, неподвижное тело которого лежало почти рядом.

– Прикройте же меня, идиоты, – прорычал фельдфебель, вскочил и бросился вперед.

Я посмотрел на приятеля убитого солдата. Казалось, он больше удивлен, чем испуган. Мы нацелили винтовки на избу, из которой по-прежнему раздавались выстрелы, и открыли огонь.

Звук маузера добавил мне уверенности. В ушах просвистели еще две пули. Сержант, с невозмутимым видом, выпрямился во весь рост и кинул гранату. Воздух разорвал звук взрыва. В избе образовалась брешь.

С хладнокровием, которое был сам не в состоянии понять, я продолжал наблюдать за избой. Фельдфебель по-прежнему стрелял. Я зарядил винтовку и уже готов был выстрелить, когда из развалин избы показались две фигуры и побежали к лесу. Лучше возможности и не найти. Черная мишень была прекрасно видна на снегу. Я спустил курок... и промахнулся.

Фельдфебель тоже выстрелил в сторону убегающих, но, как и я, не попал. Немного погодя он приказал нам подняться, и мы вылезли из своих окопов.

В развалинах избы мы увидели прислонившегося к стене человека. Его лицо, наполовину заросшее густой бородой, было обращено к нам; в глазах застыло уныние. Он смотрел на нас, не говоря ни слова; на нем была не военная форма, а гражданская одежда. Мне бросилась в глаза его левая рука, покрытая кровью. В душе шевельнулась жалость. Голос фельдфебеля вернул меня к реальности.

– Партизан! – рявкнул он. – Скажешь, нет? Ты знаешь, что тебя ждет!

Он наставил пистолет на русского; тот испуганно забился в угол. Фельдфебель спрятал оружие в кобуру.

– Займитесь им, – приказал он, махнув в сторону раненого.

Мы вынесли партизана на воздух. Он застонал и произнес что-то неразборчивое.

Послышался стук колес приближающегося поезда. Но на этот раз состав возвращался в тыл. Нам удалось его остановить. Два солдата и лейтенант спрыгнули с первого вагона. Мы взяли под козырек.

– Ради всего святого, кто вы такие? – прокричал он. – Зачем вы нас остановили?

Фельдфебель объяснил, что мы ищем рабочих.

– В поезде едут только раненые и умирающие, – сказал лейтенант. – Если бы у нас были демобилизованные солдаты, я бы вам помог. А так – что я могу для вас сделать!

– У нас двое раненых, – заявил фельдфебель.

Лейтенант и без его слов уже направился к солдату с веснушками; тот неподвижно лежал там, где его настиг выстрел.

– Вы же видите, этот мертв.

– Нет, господин лейтенант. Он еще дышит.

– Да... ну, может... проживет еще минут пятнадцать... Ну ладно... мы его возьмем.

Он подал знак двум солдатам с носилками, и те подняли нашего товарища. На зеленом фоне его шинели застыла кровь.

– А второй? – нетерпеливо спросил лейтенант.

– Оттуда, из избы.

Лейтенант бросил взгляд на бородача, которому, видимо, тоже недолго осталось жить.

– Кто это?

– Русский, партизан.

– Вот оно что. Вы, наверное, думаете, что я буду заниматься этими свиньями, готовыми выстрелить в спину, чуть только отвернешься, – как будто мало раненых на фронте!

Он отдал приказ своим солдатам. Те подошли к бедняге, лежавшему на снегу; раздались два выстрела.

Вскоре мы отправились обратно к шоссе. Фельдфебель раздумал привлекать дополнительную рабочую силу. Мы возвращались к нашему конвою, который, можно не сомневаться, вряд ли преуспел в расчистке снега.

Впервые я попал под огонь; охватившие меня чувства трудно описать. События дня казались абсурдными: огромные шаги фельдфебеля по снегу; молодой веснушчатый солдат, который должен был возвращаться с нами... Все произошло так быстро, что я даже не успел уловить, какое значение имеют все эти события. И все же двое погибли бессмысленной смертью. Одному из них не было еще и восемнадцати.

Уже давно стемнело, когда мы добрались до конвоя. Стояла холодная и ясная ночь; температура падала с ужасающей быстротой.

Мы едва держались на ногах от холода и голода. В голове у меня помутилось, пар от дыхания застыл на воротнике, поднятом почти до глаз.

Вскоре мы увидели солдат конвоя: их черные фигуры четко вырисовывались на белом фоне снега. И вправду, не слишком они преуспели. Грузовики по самые колеса погрузились в снег; лед примерз к покрышкам и бамперам. Все укрылись в кабинах, накинув на себя все, что попало, и пытались заснуть, несмотря на мороз. Неподалеку двое караульных притопывали, пытаясь согреть окоченевшие ноги.

Через покрытые морозными узорами стекла кабин пробивались огоньки сигарет и трубок. Забравшись в свой грузовик, я нащупал в темноте ранец и достал котелок. Зажав его в окоченевших пальцах, положил несколько ложек какой-то смеси, напоминавшей на вкус промерзшую сою. Есть это было совершенно невозможно. Я порылся в ранце и, к счастью, нашел кое-где съедобное.

Услышав снаружи какие-то голоса, я высунул голову в дверь. В проделанной в снегу лунке полыхал костер. Я выпрыгнул из грузовика и со всех ног побежал к этому источнику света, тепла и радости. Перед костром стояло трое, в том числе и фельдфебель, с которым мы сегодня путешествовали. Он ломал через колено хворост.

– Хватит с меня этого мороза. Прошлой зимой уже болел воспалением легких; если снова заболел, со мной будет кончено. Да и вообще, наши грузовики видать за две мили, так что ничего страшного не произойдет, если мы разожжем небольшой костер.

– Ты прав, – ответил другой солдат. Ему было по меньшей мере лет сорок пять. – Русские, партизаны и непартизаны, мирно спят.

– Я бы тоже не отказался от теплой постели, – сказал его приятель, уставившись на огонь. Все подошли к костру, кроме фельдфебеля, который ломал на доски ящик.

Неожиданно раздался крик:

– Эй, вы там!

Кто-то приближался к нам, пробираясь среди грузовиков. На фуражке поблескивал серебристый значок. Фельдфебель и пожилой солдат принялись тушить костер. Мы вытянулись перед подошедшим капитаном.

– Вы что, с ума тут посходили! Разве не слышали приказа? Раз вам нетрудно было разжечь костер, берите оружие и патрулируйте окрестности. На ваш карнавал уже наверняка сбежалось несколько гостей. Будете дежурить парами до самого отправления. Все ясно?

Эта капля переполнила чашу моего терпения. Я умирал от голода, холода, истощения сил и бог знает еще отчего. Только мне и не хватало всю ночь бродить по снегу, в котором утонешь по колено. Меня обуревал гнев, но я даже не мог его выразить. Фельдфебель решил, что первыми будем патрулировать мы с пятидесятилетним солдатом.

– Мы сменим вас через два часа. Вам же лучше.

Почему нам будет лучше, я так и не понял; знал только одно: этот подлец нарочно поставил меня со стариком. Конечно, ему в пару больше подойдут другие: те, кому двадцать пять, мощного телосложения. Зачем ему хилый семнадцатилетний подросток или старик. Я отправился в путь со своим товарищем по несчастью. Более уязвимую пару трудно было себе и представить. Не пройдя и нескольких шагов, я свалился в снег. Пытаясь подняться, почувствовал, что по лицу катятся слезы.

Старик оказался не таким уж плохим человеком. Ему, видно, все это тоже порядком надоело.

– Ты не ушибся? – спросил он отеческим тоном.

– Да пошел ты! – произнес я в ответ.

Он ничего не ответил. Задрал воротник, пропустил меня вперед. Я даже не знал, куда мы должны были идти, да что с того? Что я знал наверняка, так это что я пойду в два раза быстрее, как только скроется из глаз темная масса конвоя. Так оно и случилось, несмотря на усталость, я здорово оторвался от старика, стараясь как можно меньше вдыхать холодный воздух. Пройдя еще немного, убедился, что дальше идти не могу. Колени дрожали. Я остановился и расплакался. Передо мной вставала картина Франции, моей семьи, игр, в которые я играл с друзьями. Что мне здесь понадобилось? Помню, как произнес, всхлипывая:

– Рановато мне быть солдатом.

Не знаю, удивился ли спутник моим причитаниям. Поравнявшись со мной, он сказал:

– Ты идешь слишком быстро, молодой человек. Прости, но мне за тобой не угнаться. Какой из меня солдат. Меня отправили в запас еще до войны. Но полгода назад все равно призвали. Им нужны все, кто есть, сам понимаешь. Будем надеяться, что хоть вернемся домой целые и невредимые.

Не зная, как объяснить свое позорное поведение, я свалил всю вину на русских:

– Во всем виноваты эти свиньи! Все из-за них!

События сегодняшнего вечера не выходили у меня из головы. И партизан, и его казнь не давали мне покоя. Бедный старик стоял передо мной, не зная, что и думать. С кем он имеет дело: с сумасшедшим фанатиком или секретным агентом.

– Да, – произнес он осторожно. – Они заставляют нас попотеть, это точно. Лучше всего оставить их в покое. Большевики у них все равно долго не продержатся. Да и вообще, это не наше дело.

– А Сталинград! Нам необходимо помочь Шестой армии! Там воюет мой дядя! Им, наверное, приходится несладко.

– Что верно, то верно. Нам ведь не сообщают всего. Покончить с Жуковым будет не так-то просто.

– Жуков отступит, так же как под Харьковом и Житомиром. Генералу фон Паулюсу не впервой обратить его в бегство.

Старик промолчал. Мы мало знали о том, что происходило на передовой, так что говорить было особенно не о чем.

В то время я и представить себе не мог, что войска под Сталинградом были блокированы, а солдаты Шестой армии, оставив последнюю надежду, сражались не на жизнь, а на смерть.

На небе сверкали звезды. При лунном свете можно было разглядеть циферблат студенческих часов, память об окончании школы, поблескивавших на моем запястье. Время, казалось, остановилось: два часа тянулись дольше двух столетий. Мы еле шли; при каждом шаге ботинки полностью погружались в снег. Ветер перестал, но мороз, с каждой минутой становившийся сильнее, подгонял нас.

В ту ночь мы мерзли так по очереди по два часа. Между каждым караулом я успевал немного поспать. Первые лучи солнца, которые я застал, разгребая снег, упали на мое лицо, искаженное от усталости.

С рассветом мороз еще более усилился. Выданные нам шерстяные перчатки давно порвались, на заочевенные пальцы мы надели вторую пару носков. Но, даже разгребая снег, согреться было невозможно. Мы хлопали себя по бедрам и топали ногами, чтобы разогнать кровь. Капитан приказал приготовить для нас кофе – почти кипятком. Это было как нельзя кстати: ведь на завтрак мы получили всего лишь порцию промерзшего сыра. Капрал, заведовавший полевой кухней, сообщил, что его градусник показал двадцать четыре градуса ниже нуля.

Не помню, сколько продолжалось наше путешествие. Все последующие дни сохранились в моей памяти как морозный кошмар. Температура колебалась между пятнадцатью и двадцатью пятью градусами. Однажды подул такой сильный ветер, что, несмотря на приказы офицеров, мы оставили лопаты и укрылись в грузовиках. В тот день температура упала еще ниже, и я был уверен, что уж теперь точно умру. Мы никак не могли согреться. Даже мочились на очевенные руки, чтобы согреться и дезинфицировать трещины на пальцах.

Четверо из нашего отряда, тяжело заболевшие воспалением легких и бронхов, лежали и стонали в раскладных кроватях, устроенных в одном из грузовиков. В роте было всего два врача, но они мало чем могли помочь. Помимо этих тяжелых случаев, сорок человек обморозились. У некоторых солдат на носу образовались волдыри, потрескались от холода лицо и руки. Я не слишком пострадал, но стоило пошевелить пальцами, как начинала сочиться кровь. Временами боль была настолько сильной, что я приходил в отчаяние, начинал безудержно рыдать; но всем хватало собственных забот, и на меня никто не обращал внимания.

Дважды в грузовике, где располагалась полевая кухня, а по совместительству и медпункт, мне мыли руки 90-процентным раствором спирта. Боль от этого была настолько сильной, что я не мог удержаться от крика, зато на несколько минут по рукам разливалось тепло.

К прочим неприятностям добавлялось плохое питание. Расстояние от Минска до Киева, где мы сделали первую остановку, составляло 250 миль. Учитывая проблемы, подстерегавшие нас по пути, мы получили пятидневный паек. На самом деле нужно было выдать восьмидневный, а так мы съели и неприкосновенный запас. Кроме того, тридцать восемь грузовиков сломались, и нам пришлось их уничтожить вместе с грузом, чтобы они не попали в руки партизанам. Двое тяжелобольных скончались, а у нескольких солдат ампутировали руки или ноги.

За три дня до прибытия в Киев мы пересекли бывшую линию обороны русских. Несколько часов ехали по местности, заполненной carcасами сторевающих танков, грузовиков, пушек и самолетов: ими было усеяно все поле, насколько хватало глаз. Кресты и столбы говорили о том, что здесь же было кладбище русских и немецких солдат, которые погибли в бою.

На самом деле русских погибло больше, чем немцев. Но солдаты рейха были захоронены по возможности по одиночке, а каждый православный крест отмечал братскую могилу, в которой лежало десять – двенадцать русских воинов.

Вся эта картина не прибавляла нам бодрости. К тому же приходилось заполнять воронки, образовавшиеся от разрывов бомб и гранат.

Наконец наш конвой прибыл в Киев. Этот красивый город не сильно пострадал. Красная армия пыталась остановить войска вермахта за пределами города, в той зоне, через которую мы проехали. Когда советские войска поняли, что больше не могут противостоять нажиму немцев, они ушли в другую часть города, не желая, чтобы с Киевом произошло то же, что и с Минском. В Киеве мы в первый раз сделали остановку на пути из Минска в Харьков. До конечного места назначения Сталинграда было еще не менее шестисот миль.

Киев представлял собою важный стратегический центр, в котором производилась перегруппировка отрядов, прибывавших из Польши и Румынии, и подготовка их к наступлению в направлении Кавказа и Каспийского моря. Город кишмя кишел солдатами, военными машинами. Их было даже больше, чем в Минске; но здесь царила атмосфера постоянной готовности к бою.

Наша рота вошла в город и остановилась в ожидании приказов комендатуры.

И снова мы ходили по заснеженным улицам, скользким и утрамбованным, как лыжня. Мы уже надеялись, что нашим бедам конец. Все ожидали поступления приказа о переводе на новые квартиры.

Первым делом нас послали в санпропускник, и не зря: холод стоял такой, что даже чуть-чуть вымыться было невозможно. Все мы покрылись грязью и паразитами.

Получившие тяжелые раны были госпитализированы. Но в эту категорию попало всего семь человек. Остальные продолжали путь: в Киеве мы провели всего несколько часов.

Выйдя из санпропускника, организованного на удивление хорошо, рота выстроилась на заснеженной площадке перед зданием. На «фольксвагене» подъехал гауптман и, не выходя из машины, произнес короткую речь:

– Солдаты! Немцы! Войска конвоя! В этот час, когда завоевания рейха распространяются на огромную территорию, именно от вас зависит судьба нашей родины; от вашей преданности зависит победа немецкого оружия. Вы отвечаете за то, чтобы до наших войск, сражающихся на фронтах, как можно скорее доходили боеприпасы. Настал час исполнить обязанности на том фронте, который вы очень хорошо знаете: дороге, сопряженной с тысячей трудностей. Начиная с заводов, на которых наши рабочие выбиваются из сил, чтобы произвести необходимое фронту оружие, и кончая вашими отрядами обеспечения, его транспортировка должна быть такова, чтобы ни один германский солдат не страдал от нехватки оружия, продовольствия или обмундирования. Страна работает на всю мощь с тем, чтобы войска на фронте получили все необходимое и сохранили веру в победу. Нас не должны сломить никакие трудности. Ни у кого нет права сомневаться в героизме, который каждый день подтверждается нашими новыми победами. Нам всем приходится страдать, но все вместе мы сможем добиться успеха. Не забывайте, что страна отдает вам все, а в обмен ожидает от вас полного самопожертвования. И никаких жалоб: ведь вы же немцы. Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер! – ответили мы в унисон.

Гауптман прочистил глотку и продолжал уже менее театральным тоном:

– Ваша рота соединится с 124-й и 125-й ротами на окраине города, на шоссе, ведущем в Харьков. Потом двинетесь в сопровождении моторизованных войск из «Панцердивизион». Они защитят конвой от партизан, которые попытаются задержать ваше продвижение. Как видите, рейх делает всё, чтобы облегчить вашу задачу.

Он отдал честь, и его автомобиль тут же сорвался с места.

Мы соединились с указанными гауптманом ротами в назначенном месте и вместе сформировали 19-ю роту под начальством команданте Ультренера.

Я надеялся, что встречу друзей из учебного лагеря, если, конечно, их не перевели куда-нибудь или не убили. Я не знал, уехали ли они из Минска раньше нас или отправятся позже. На самом деле оказалось, что старую роту реформировали.

Теперь в нашем распоряжении оказалась походная кухня, на которой готовили горячие блюда. Это было очень важно. Перед самым отправлением нас хорошо накормили. А горячий душ и смена обмундирования в Киеве окончательно подняли наше настроение. Потеплело до четырех градусов ниже нуля.

Гальса я нашел без труда: его нелепую жестикуляцию было видно издалека.

– Ну, что скажешь о погоде, молодчик? А о горячей пище? Ведь дней десять мы не имели ничего горячего. На этом чертовом поезде думали, что подохнем с голоду.

– Ты ехал на поезде! Ну, если это не везение...

– Везение! Скажешь тоже... Тебя бы туда, когда взорвался локомотив. Пар валил высотой метров в четыреста. Четыре парня погибли, еще семерых ранило. Морвана ранили, когда мы наводили порядок. Это продолжалось дней пять. Я был с патрулем, искали партизан. Поймали одного. Крестьянин, которого он ограбил, его же и выдал, а потом зазвал нас к себе домой и угостил на славу.

Я недолго думая рассказал ему о своих приключениях. Встретили Ленсена и Оленстейма. От радости, что снова видим друг друга, обхватили друг друга за плечи и устроили пляску с криками и смехом. Старшие смотрели на нас с удивлением, не понимая, чему тут радоваться.

– А Фарштейн где? – спросил я.

– Уф, – прорычал Ленсен, продолжая смеяться. – Повредил колено, нарыв такой, что не может снять сапоги, и ждет, пока отек уменьшится.

– Пользуется положением на всю катушку, – заметил Гальс. – Если бы я вел себя так каждый раз, когда подвернул ногу...

Нашу беседу прервал сигнал к отправлению. Мы вернулись на свои посты. Зная, что друзья рядом и нас разделяет всего несколько грузовиков, я воспрял духом и почти забыл, что с каждой минутой мы все ближе подъезжали к фронту. Казалось, он еще так далеко. Мы ехали по разбитым дорогам, покрытым снегом и льдом. С обеих сторон их окаймляли холмы снега, образовавшиеся после расчистки. В просветах между ними виднелись разоренные и сгоревшие деревни и разбитая техника. Десятками километров мы просто ползли.

Войска фон Вика, Гудериана, фон Рейхенау и фон Штюльпнагеля отвоевали эту территорию после нескольких недель напряженных боев; между Киевом и Харьковом было взято в плен несколько сот тысяч военнопленных. Количество советских боеприпасов, погребенных под снегом, поражало. И как они еще после этого держатся?

От потепления начались новые снегопады, и нам снова пришлось взяться за лопаты. К счастью, два дня спустя к конвою присоединилась бронированная колонна сопровождения. К задней части танка мы прикрепляли четыре или пять грузовиков, и они, со включенными двигателями, медленно пробивались сквозь снег и лед.

Однако вскоре низкие облака исчезли; показалось бледно-голубое небо. Столбик термометра резко пошел вниз, и нас охватил мороз. Иногда над нами пролетали немецкие пилоты. Мы им махали изо всех сил, а они покачивали крыльями самолетов. Медленно пролетали эскадрильи «Юнкерсов-52», направлявшиеся на восток.

Горячие обеды больше нас уже не согревали. Мои руки снова заоченели. К счастью, на этот раз в нашем конвое был доктор. Каждый раз во время привала мы выстраивались в очередь у его грузовика. Он покрыл мне руки мазью, которая защищала ладони от холода. Я стремился к тому, чтобы сохранить ее на руках, и держал их в глубоких карманах шинели. Лишь в крайнем случае осторожно доставал руки, но так, чтобы удерживать мазь.

Долгие часы проводил я в кабине многотонного «рено», переваливавшегося с ухаба на ухаб. Время от времени мы убирали снег, накапливавшийся внизу, или вытаскивали другую застрявшую машину.

А вообще-то старались не выходить наружу. Пока что мне удавалось избежать ночного караула. Когда из-за темноты дальше ехать было невозможно, мы останавливались. Шофер не слезал с водительского кресла, а я спал на полу, ноги между педалями, прижав нос к мотору, от которого исходил отвратительный запах перегоревшего масла. Мы просыпались полуживые от холода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.